

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Ильин Иван О России. Три речи

В наше время, время видимого крушения России, а на самом деле – время ее мученического очищения, ее исторического оправдания и духовного возрождения в перерожденном виде; в наши дни, дни великого соблазна для близоруких и великих надежд для дальновидных; – когда русский народ, всеми иными народами преданный и покинутый, сам с собой наедине, перед лицом Божиим, добывает себе свободу голодом и кровью, пытаясь по-самсоновски повалить на себя капище Дагона, но выйти из-под развалин с молитвою на устах и с приговором для своих врагов; в такое время, в такие дни, когда у каждого русского сердце горит от святой любви и священного гнева, когда уже иноземцы начинают постигать мировое и пророческое значение русской трагедии и содрогаться о своей собственной судьбе, – чудится мне, что у всех у нас есть потребность обратиться к России в ее историческом целом, окинуть взором, сколько его хватит, нашего взора, пути, и судьбы, и задания нашей Родины, основы и первоосновы ее культуры, из коих все вышло и к коим все сводится, увидеть их в их силе и славе, увидеть их в их опасных уклонах и соблазнах, увидеть все это не только в исторической ткани нашей страны, но и в нас самих, в наших душах, в их сознательном и бессознательном укладе, в явных действиях дня и в тайных сновидениях ночи; с тем, чтобы каждый из нас осознал в самом себе и чудесные дары нашей России, составляющие самую русскость нашей русскости, и те пробелы, те слабости, те недо строенности и неустроенности русской души, которые не дали нам устоять против мирового соблазна, но привели наш народ на гноище мировой истории, те несовершенства и незавершенности нашего национального характера, без одоления которых нам не построить России, ни нам, ни нашим детям и внукам...

Духовная культура народа не есть его почетное кладбище; не есть только музей его лучших свершений, или все множество его вещественных и сверхвещественных созданий; нет, – она живет и творится и в нас, его сынах, связанных со своею родиной любовью, молитвою и творчеством; она живет незримо в каждом из нас, и каждый из нас то бережет и творит ее в себе, то пренебрегает ею и запускает ее... Россия не только «там», где-то в бескрайних просторах и непроглядных лесах; и не только «там», в душах ныне порабощенного, но в грядущем свободного русского народа; но еще и «здесь», в нас самих, с нами всегда, в живом и таинственном единении. Россия всюду, где хоть одна человеческая душа любовью и верою исповедует свою русскость. И потому возрождение и перерождение ее совершается в нас, в наших душах, в их горении, творческом напряжении и очищении. Очистившиеся души найдут новые молитвы; созревшие души породят новые дела. Новыми молитвами и новыми делами обновится Россия и ее культура

Мы призываем думать об этом и трудиться над этим день и ночь, – и там в России, в рабском стеснении городов, на ограбленных полях, в катарге ссыльного труда; и здесь за рубежом, сидя в бесправии и уничижении у негостепримных очагов недопогибших народов. И прежде всего, и больше всего каждый из нас призван, не соблазняясь иностранными и инославными суждениями о нашей России и предоставляем упорствующим в слепоте стать жертвой их слепоты, – постигнуть Россию з ее вечном, исторически духовном естестве, найти ее в себе и найти в своей душе то место, от которого он мог бы ныне же заткать новую ткань своей жизни, как ткань Ее жизни

Видим Россию любовью и верою; делим ее муку, и знаем, что придет час ее воскресения и возрождения. Но дня и часа не знаем, ибо они во власти Божией.

1. О РОССИИ

Разве можно говорить о ней? Она – как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая ее, блести ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать...

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

Но о дарах ее; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины – да будет сказано в благоговении и тишине.

* * *

Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в легкий, далекий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь, осознание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутренней свободе, мы дышим ею, мы от природы несем ее в себе. – и все ее дары, и все ее опасности: и дары ее – способность из глубины творить, беззаботно любить и гореть в молитве; и опасности ее – тягу к безвластью, беззаконию, произволу и замешательству... Нет духовности без свободы; – и вот, благодаря нашей свободе пути духа открыты для нас: и свои, самобытные; и чужие, проложенные другими. Но нет духовной культуры без дисциплины; – и вот, дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение. Духовная свободность дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога.

Разливается наша стихия, как весенняя полая вода, – ищет предела вне себя, ищет себе незатопимого берега. И в этом разливе наша душа требует закона, меры и формы; и когда находит, то врастает в эту форму свободно, вливается в нее целиком, блаженно вкушает ее силу и являет миру невиданную красоту...

Что есть форма? Грань в пространстве; мера и ритм во времени; воля, закон и долг в жизни; обряд в религии. Всмотритесь в линии нашей иконы; в завершенные грани наших храмов, дворцов, усадеб и изб; почувствуйте живой, неистощимый ритм нашего стиха, нашей музыки, нашей свободно творимой пляски – все это явления свободы, нашедшей свой закон, но не исчерпанной и не умерщвленной им. Так в старину облик царя венчал собою свободное биение народной жизни, но не подавлял и не умерщвлял его; ибо народ свободно верил своему царю и любил его искренно, из глубины. Так православный обряд наш дышит успокоением и свободой в своей завершенности, цельности, и гармоничной, мерной истовости.

Не разрешена еще проблема русского национального характера; ибо доселе он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом. Столетиями строили его монастырь и армия, государственная служба и семья. И когда удавалось им их дело, то возникали дивные, величавые образы: русские подвижники, русские воины, русские бессребреники, претворявшие свой долг в живую преданность, а закон – в систему героических поступков; и в них свобода и дисциплина становились живым единством. А из этого рождалось еще более высокое: священная традиция России – выступать в час опасности и беды добровольцем, отдающим свое достояние и жизнь за дело Божие, всенародное и отечественное... И в этом ныне – наша белая идея.

Наша родина дала нам духовную свободу; ею проникнуто все наше лучшее, все драгоценнейшее – и православная вера, и обращение к царю, и воинская доблесть, и наше до глубины искреннее, певучее искусство, и наша творческая наука, и весь наш душевный быт и духовный уклад Изменить этой свободе – значило бы отречься от этого дивного дара и совершив предательство над собою. А о том, как понести бремя этого дара и отвратить опасности на нашем пути – об этом должны быть теперь все наши помыслы, к этому должны быть направлены все наши усилия. Ибо, если дисциплина без свободы мертвa и унизительна, то свобода без дисциплины есть соблазн и разрушение.

* * *

Россия одарила нас огромными природными богатствами, и внешними, и внутренними; они неисчерпаемы. Правда, они далеко не всегда даны нам в готовом виде: многое таится под спудом; многое надо добывать из-под этого спуда. Но знаем мы все, слишком хорошо знаем, что глубины наши, – и внешние, и внутренние, – обильны и щедры. Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живем с этим чувством, что «и нас-то много, и у нас всего много», что «на всех хватит, да еще и останется»; и часто не замечаем ни благостности этого ощущения, ни сопряженных с ним опасностей...

От этого чувства в нас разлита некая душевная доброта, некое органическое ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность. Русская душа легка, текуча и певуча, щедра и нищелюбива, – «всем хватит и еще Господь пошлет»... Вот они – наши монастырские трапезы, где каждый приходит, пьет и ест, и славит Бога. Вот оно наше широкое гостеприимство. Вот и эта дивная молитва при посеве, в которой сеятель молится за своего будущего вора: «Боже! Устрой и умночь, и возрасти на всякую долю человека голодного и сирого, хотящего, просящего, и произволяющего, благословляющего и неблагодарного»... И если в простых сердцах так обстоит, то что же думать о сердце царя, где «всей Руси было место» и где был источник любви, справедливости и милости для всех «сирот» без изъятия?..

да, благодушен, легок и даровит русский человек: из ничего создаст чудесное; грубым топором – тонкий узор избяного украшения; из одной струны извлечет и грусть, и удаль. И не он делает; а как-то «само выйдет», неожиданно и без напряжения; а потом вдруг бросится и забудется. Не ценит русский человек своего дара; не умеет извлекать его из-под спуда, беспечное дитя вдохновения; не понимает, что талант без труда – соблазн и опасность. Проживает свои дары, проматывает свое достояние, пропивает добро, катится вниз по линии наименьшего сопротивления. Ищет легкости и не любит напряжения: развлечется и забудет; выпашет землю и бросит; чтобы срубить одно дерево, погубит пять. И земля у него «Божия», и лес у него «Божий»; а «Божье» – значит «ничье»; и потому чужое ему не запретно. Не справляется он хозяйственно с бременем природной щедрости. И как нам быть в будущем с этим соблазном бесхозяйственности, беспечности и лени – об этом должны быть теперь все наши помыслы...

* * *

Россия поставила нас лицом к лицу с природой, суровой и захватывающей, с глубокой зимой и раскаленным летом, с безнадежной осенью и бурною, страстной весною. Она погрузила нас в эти колебания, сра-створила с ними, заставила нас жить их властью и глубиной. Она дала нам почувствовать разлив вод, безудерж ледоходов, бездонность омутов, зной засухи, бурелом ветра, хаос метелей и смертные игры мороза. И души наши глубоки и буреломны, разливны и бездонны, и научились во всем идти до конца и не бояться смерти.

Нам стал, по слову Тютчева «родим древний хаос»; и «безглагольные речи» его стали доступны и понятны нашим сердцам. Нам открылся весь размах страстей и все крайности верха и низа, «самозабвенно мглы» и «бессмертного солнца ума» (Пушкин), сонной вялости и буйной одержимости, бесконечной преданности на смерть и неугасимой ненависти на всю жизнь. Мы коснулись, в лице наших Святых, высшей, ангельской праведности; и сами изведали природу последних падений, безумства, злодейства и сатанинства. Из этих падений мы вынесли всю полноту покаяния и всю остроту совестных угрызений, сознание своего «ничтожества» и близость к смирению. Но тяжесть смирения мы не вынесли и меры его не соблюли: мы впали в самоуничижение и уныние; и решили, что «мы – перед Западом – ничто». И не справившись с этим чрезмерным бременем, самогладания и самоуничижения, вознаградили себя мечтанием о том, что «мы – народ богоносец», что мы «соль вселенной»... Мало того, мы не выдержали соблазна этой вседоступности, этой душевной раскачки и впали в духовное всесмешение: мы потеряли грани божественного и небожественного, неба и земли, добра и зла; мы попытались обожествить сладострастие и возвеличить грех; мы захотели воспеть преступление и прославить слепую одержимость; мы отвернулись от стыда, погасили разум, разлюбили трезвение, потеряли дорогу к духовной очевидности. И вот, перед революцией – хлыстовское начало захватило русскую интеллигенцию: возникло хлыстовское искусство, хлыстовская философия, хлыстовская политика, – политика вседоступности и вседозволенности... И воцарилась смута и все пошло верхним концом вниз...

Но соблюдем же наши дары и одолеем наши соблазны. Чувство беспредельности, живой опыт ночной стихии, дар пророческой одержимости – дала Нам наша родина. Отречься от этого дара – значило бы отречься и от нее и от себя. А о том, как понести и оформить этот дар, не падая и не роняя его, как очистить его от соблазнов, как освятить его молитвою и пронизать Божиим лучом, – об этом нам надо болеть и радеть неустанно... Ибо это есть путь к исцелению и расцвету всей русской культуры.

* * *

Всем тем Россия дала нам религиозно-живую, религиозно-открытую душу. Издревле и изначально русская душа открылась Божественному и восприняла Его луч; и сохранила отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на земле.

«Нет на земле ничтожного мгновенья», сказал русский поэт; и к испытанью, к удостоверенью этого нам даны живые пути. За обставшими нас, «всегда безмолвными предметами» нам дано осязать незримое присутствие живой тайны; нам дано чуять веяние «нездешнего мира». И наши поэты, наши пророки удостоверили нам, что это духовное осязание нас не обманывает: орлим зраком видели они воочию эту «тайную отчину» и свое служение осмысливали сами, как пророческое.

Что есть жизнь человека без этой живой глубины, без этой «осиянности и согретости» внутренним светом? Это – земное без Божественного; внешнее без внутреннего; видимость без сущности; оболочка, лишенная главного; пустой быт, бездыханный труп, поваленный гроб; суeta, прах, пошлость...

Из глубины нашего Православия родился у нас этот верный опыт, эта уверенность, что священное есть главное в жизни и что без священного жизнь становится унижением и пошлостью; а Пушкин и Гоголь подарили нам это клеймящее и решающее слово, которого кажется совсем не ведают другие языки и народы...

Пусть не удается нам всегда и безошибочно отличить главное от неглавного и священное от несвященного; пусть низы нашего народа блуждают в предчувствующих суевериях, а верхи гоняются сослепу за пустыми и злыми химерами. Страдания, посланные нам историей, отрезвят, очистят и освободят нас... Но к самому естеству русской народной души принадлежит это взыскание Града. Она вечно прислушивается к поддонным колоколам Китежа; она всегда готова начать паломничество к далекой и близкой святыне; она всегда ищет углубить и освятить свой быт; она всегда стремится религиозно приять и религиозно осмыслить мир... Православие научило нас освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания: – и в рождении, и в смерти; и в молении о дожде, и в окроплении плодов; и в миг последнего, общего, молчаливого присеста перед отъездом; и в освящении ратного знамени, и в надписи на здании университета; и в короновании Царя, и в борьбе за единство и свободу отчизны. Оно научило нас желанию быть святою Русью...

И что останется от нас, если мы развеем и утратим нашу способность к религиозной очевидности, нашу волю к религиозному мироприятию, наше чувство непрестанного предстояния?

* * *

Созерцать научила нас Россия. В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера...

У зрячего глаза прикованы к дали; у слепого очи уходят вглубь.

О, эти цветущие луга и бескрайние степи! О, эти облачные цепи и гряды, и грозы, и громы, и сверкания! О, эти темные рощи, эти дремучие боры, эти океаны лесов! Эти тихие озера, эти властные реки, эти безмолвные заводы! Эти моря – то солнечные, то ледяные! Эти далекие, обетованные, царственные горы! Эти северные сияния! Эти осенние хороводы и побеги звезд! От вас прозрели маши веющие художники. От вас наше видение, наша мечтательность, наша песня, наша созерцающая «лень»...

Красота учит созерцать и видеть. И тот, кто увидел красоту, тот становится ее пленником и ее творцом. Он мечтает о ней, пока не создаст ее; а создав ее, он возвращается к ней мечтой за вдохновением. Он вносит ее во все: и в молитву, и в стены Кремля, и в кустарную ткань, и в кружево, и в дела, и в поделки. От нее души становятся тоньше и нежнее, глубже и певучее; от нее души научаются видеть себя, свое внутреннее и сокровенное. И страна дает миру духовных ясновидцев.

Можно ли верить, не видя? Можно ли верить от воли и мысли? Может ли рассуждение
Страница 4

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

ума или усилие воли заменить в религии видение сердца? Если это возможно, то это вера не наша; это вера чужая, западная, мертвая. Православная Россия верит иначе, глубже, искреннее, пламенное. В ее вере есть место и воле; но воля не вынуждает из души веру, а сама рождается от веры, рождается огненная, непреклонная, неистощимая. Есть место и разуму; но разум не рождает веру и не обессиливает ее ни рефлексией, ни логикой, ни сомнением; он сам насыщается верою и мудреет от нее. Вера же рождается от того, что человек созерцает Бога любовью... И да хранят русские души эту веру и ее источники до конца; да не соблазняются чужими неудачами и блужданиями...

Но ведь от чрезмерной созерцательности души становятся мечтательными, ленивыми, безвольными, нетрудолюбивыми... Откроем же себе глаза и на эту опасность; и будем неустанно ковать силу, верность и цельность нашего русского характера.

* * *

Россия дала нам богатую, тонкую, подвижную и страстную жизнь чувства.

Что есть душа без чувства? – Камень. – Но разве на одном чувстве можно строить характер народа?..

Носясь без руля и без ветрил, по воле «чувств:», наша жизнь принимает обличие каприза, самодурства, обидчивости, подполья, неуравновешенности и ожесточенности. Но сочетаясь с природной добротою и с мечтою о беспредельности, она создает чудные образы добродетели, гражданской доблести и героизма.

Вот она – эта удобрастворимость русской души: способность умилиться без сентиментальности; простить от всей души; закончить грешную разбойную жизнь подвижничеством. Вот она – русская воля к совершенству: способность к монашескому целомудрию, содержимому втайне; поиски отречения и тишины; простота и естественность в геройстве; верность и стойкость перед лицом мучений и смерти; предсмертная схима русских царей... Вот оно – русское мечтание о полноте и всецелости: это всенародное христосование на Пасху; это собирание всех людей, всех сословий и всех земель русских под единую руку; эта кафоличность веры; эти юношеские грэзы о безусловной справедливости; эти наивные мечты о преждевременном и непосильном братстве всех народов... Вот она – эта склонность русского народа возвращать те общественные формы, которые покоятся на братстве или зиждутся жертвой и любовию: приход, артель, землячество; монастыри; человеколюбивые учреждения, рождающиеся из жертвы; монархический уклад, немыслимый без жертвенной любви к родине и к царю...

И в ряду этих нравственных образов, красуется своею мудростью древнее русское соединение и разделение церкви и государства. Церковь учит, ведет, наставляет, советует и помогает: укрепляет, благословляет и очищает; – но не посягает, не властвует, не повелевает и не порабощает. Она блюдет свободу – пасомого и пасущего; и потому не заискивает, не покоряется, не раболепствует и не угодничает; она – власть, но не от мира сего; она духовник и ангел хранитель. А государство – бережет, обороняет, покоит церковь и предоставляет ей все необходимое; проверяет себя голосом церкви, ищет совета, духовного умудрения и совестной чистоты. Но и оно не посягает на церковь, не возглавляет ее, не предписывает церкви ее духовного закона и строя. Власть чтит свободу церкви, но не возлагает на нее своего бремени, не искушает ее своими дарами и соблазнами, и сама творит дело своей земной заботы; но творит его религиозно-осмысленно и ответственно.

Есть, чему поучиться Западу у русского Востока. Есть непреходящая мудрость и доблесь в нашей истории...

И пусть не говорят, что «русская культура началась всего лишь один век тому назад», что русский народ малограмотен, что он и думать-то как следует не научился... Духовная культура совсем не исчерпывается культурою рассудочной; напротив, от плоского и самоуверенного рассудка истинная культура разлагается и гибнет. Но есть еще культура сердца, совести и чувства, есть культура созерцания, видения; есть культура служения, самоотречения и жертвенности; есть культура веры и молитвы; есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой строилась и держалась Россия. И когда она, позже других народов, приступила к разумному и научному оформлению своих, накопленных в духе,

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

богатств, – то ей было откуда черпать свои содержания; и самобытность ее созданий прославилась по всему миру. Наших кладезей и рудников, наших подземных озер и горных жил – никто и никогда не сможет отнять у нас. И заменить их было бы нечем: ибо их не даст никакой рассудок и их не заменит никакой «ум». Мало того: без них самый ум есть глупость; без них рассудок уводит науку в несущественность и мертвенное крюкотворство; без них философия становится праздной и кощунственной игрой ума.

Пусть же неосведомленные и духовно слепые люди, выше всего ставящие умственную полуобразованность массы, говорят о мнимой «некультурности» России. На самом деле Россия есть страна древней и самобытной духовной культуры; и не западным ученым позволительно судить о ней понаслышке. И пусть в научной культуре Россия страна молодая; ведь ее старейшему университету только что минуло 175 лет... Что ж, тем богаче и плодотворнее будет ее будущее... И это будущее да будет органически и целостно связано с ее сокровенным духовным богатством!..

Но ведь чувствительность и фантазерство в политике бывают беспочвенны, безвольны, и гибельны; а нравственный идеализм может выродиться в сентиментальность, в пустое, рудинское прекраснословие, в моральную заносчивость... Запомним же это! Не забудем этой опасности! Но не отречемся же из-за нее от наших сокровищ и не будем искать спасения в механической пустоте и «американизме»...

* * *

И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык.

В нем вся она, – наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному, и потому властен все выразить, изобразить и передать.

В нем гудение далеких колоколов и серебро ближних колокольчиков. В нем ласковые шорохи и хрусты. В нем травяные шелесты и вздохи. В нем клекот, и грай, и свист, и щебет птичий. В нем громы небесные и рыки звериные; и вихри зыбкие и плески чуть слышные. В нем вся, поющая русская душа: эхо мира, и стон человеческий, и зерцало божественных видений...

Пока звучит он, в своей неописуемой музыкальности, в своей открытой четкой, честной простоте, в своей скромности, в коей затаилась великая власть, в своем целомудрии, в своей кованности и ритмической гибкости, – кажется, что это звучат сами именуемые предметы, знаменуя о самих себе и о том большем, что скрыто за ними. А когда смолкают его звуки, столь властные и столь нежные, – то водворяется молчание, насыщенное высказанными несказанностями...

Это язык острой, режущей мысли. Язык трепетного, рождающегося предчувствия. Язык волевых решений и свершений. Язык парения и пророчеств. Язык неуловимых прозрачностей и вечных глаголов.

Это язык зрелого самобытного национального характера. И русский народ, создавший– этот язык, сам призван достичнуть душевно и духовно той высоты, на которую зовет его – его язык...

Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его, – в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме, и в ризах его органически выросшего правописания. Не любить его, не блюсти его, – значит не любить и не блюсти нашу Родину.

А что есть человек без Родины?

Чем были бы мы, если бы кому-нибудь удалось оторвать нас от нашей России?

Пусть же другие народы поймут и запомнят, что им только тогда удастся увидеть и постигнуть Россию, когда они познают и очнут нашу речь. А до тех пор Россия будет им непонятна и недоступна; до тех пор они не найдут к ней ни духовного, ни

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org
политического пути.

Пусть мир познает наш язык и через него впервые коснется нашей Родины. Ибо тогда, и только тогда он услышит не о Ней, а Ее.

А о Ней – говорить нельзя. Она как живая тайна: Ею можно жить, о Ней можно вздыхать. Ей можно молиться; и, не постигая Ее, блести Ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать.

2. О ПУТЯХ РОССИИ

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предначертания, и знамения Его скучно постигаются нашим детским разумом. Лишь края риз Его касаемся мы в наших постижениях; и лишь в священном тумане виднеются нам судьбы нашей земли...

Есть ли русская душа, которая не вострепетала бы и не смущилась в наши годы и не подумала бы с укором о своем народе и с малодушием о судьбах и путях нашей России?.. О, эти годы, годы распада, бессилия и стона... Годы соблазна и стыда... восстания и отрезвляющей расплаты... И героического умирания лучших сынов... Нам ли не смущаться? Нам ли не пасть духом? И когда же конец испытанию? И куда ведешь Ты нас, Ангел Божий?

* * *

Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его силу, и его дар; и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего.

Эта запись о России дана всякой смущенной и вопрошающей русской душе, – пусть приникает и читает; и, читая, пусть разумеет и укрепляется; а укрепившись, пусть не малодушествует и не ропщет.

Пусть не думает, что мы «слабее или хуже всех народов»; пусть не судит легкомысленно или предательски о славянском племени; пусть не корит наших предков; пусть не тоскует и не трепещет за судьбы наших внуков. Но пусть в молитвенной уверенности борется за Россию и ожидает грядущих событий и свершений.

* * *

Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. И ни один народ не вынес из таких испытаний и из таких мук – такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины. Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории? И, если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка, или молиться, крепиться и собирать новые силы?..

Первое наше бремя, есть бремя земли – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства: шестая часть суши, в едином великом куске; три с половиной Китая; сорок четыре германских империи. Не мы «взяли» это пространство: равнинное, открытое, беззащитное – оно само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им, из века в век насылая на нас вторгающиеся отовсюду орды кочевников и армии оседлых соседей. Россия имела только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримые окраины оружием и государственную властью... Россия подняла это бремя и понесла его; и осуществила единственное в мире явление.

Второе наше бремя есть бремя природы. Этот океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовет и манит (вспомним былину о Садко), но само не дается и нам ничего не дарит... Эта гладь повсюдная, безгорная; и лишь на краю света маячат Карпаты и Кавказ, Урал и Саяны, не ограждая нас ни от бури, ни от врага... Эта почва, – скучная там, где леса дают оборону и благодатная там, где голая степь открыта для набега... Эти богатства, сокрытые в глубине и не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст замирение и безопасность... Эти губительные засухи,

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

эти ранние заморозки, эти бесконечные болота на севере, эти безлесные степи и сыпучие пески на юге: царство ледяного ветра и палящего зноя... Но Россия не имела выбора: славянские племена пришли, говорят, позднее других через ворота Азии и должны были вернуться с Карпатских гор на Русскую равнину. И это бремя было принято нами, и суровая природа стала нашим судьбою, единственную и неповторимую в истории.

И третье наше бремя есть бремя народности. Сто семьдесят миллионов людей, то сосредоточенных, то рассеянных в степях, то затерянных в лесах и болотах; до ста восьмидесяти различных племен и наречий; и до самого двадцатого века – целая треть не славян и около одной шестой нехристианских исповеданий. Мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь; а дать всем жизнь, дыхание и великую родину. Найти ту духовную глубину, и ширину, и гибкость творческого акта, в лоне которых каждое включаемое племя нашло бы себе место и свободу посильно цвести, – одни доцветая, другие расцветая. Надо было создать духовную, культурную и правовую родину для всего этого разноголосого человеческого моря; всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство. Но для этого мы должны были – прежде всего – сами расти, молиться, творить и петь. И вот Россия подъяла и бремя своих народностей, подъяла и понесла его; – единственное в мире явление...

Нам дано было огромное обилие пространств и племен, несвязанных, несоприналежащих, тянувших врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы. Мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в три-четыре века единое великое государство и единую великую духовную культуру. Наш путь – вел из непрестанной нужды, через непрерывные, великие опасности, к духовному и государственному величию; и не было отсрочки; и не могло быть ни отпуска, ни отдыха. Вспомним: Соловьев насчитывает с 1240 г. по 1462 г. (за 222 года) – двести войн и нашествий. С четырнадцатого века по двадцатый (за 525 лет) Сухотин насчитывает 329 лет войны. Россия провоевала две трети своей жизни. Одно татарское иго длилось 250 лет; а в последний раз Москва была обложена татарами в самом конце шестнадцатого столетия.

Из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить; но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность: не как справедливость и счастье добыть, а как врага или несчастье избыть; и еще: как бы в погоне за «облегчением» и «счастьем» не развязать всеобщую губительную смуту...

Народы не выбирают себе своих жребиев; каждый приемлет свое бремя и свое задание свыше. Так получили и мы, русские, наше бремя и наше задание. И это бремя превратило всю нашу историю в живую трагедию жертвы; и вся жизнь нашего народа стала самоотверженным служением, непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами, и безмолвно, и безвозвратно принимали наше великое служение... с тем, чтобы потом горделиво говорить о нас, как о «некультурном народе» или «низшей расе»...

* * *

История России есть история муки и борьбы: от печенегов и хазар – до великой войны двадцатого века. Отовсюду доступные, ни откуда не защищенные – мы веками оставались приманкой для оседлого запада и возделенной добычей для кочевого востока и юга. Нам как будто на роду было написано – всю жизнь ждать к себе лихих гостей, всю жизнь видеть разгром, горе и разочарование; созидать и лишаться; строить и разоряться; творить в неуверенности; жить в вечной опасности; расти в страданиях и зреть в беде. Века тревоги, века бранного напряжения, века неудачи, ухода, собирания сил, и нового, непрекращающегося ратного напряжения – вот наша история. Погибла в разорении, едва расцветши, дивная киевская Русь – и уже ушла Россия на север, уже строит Сузdal Москву. Но не сложилась еще северная земля в своей чудной лесной строгости и созерцательной простоте, а уже огонь и меч татарина испепелили Россию.. Мало было уйти в леса, надо было еще уйти в себя, – в глушь сосредоточенного, скорбного молчания, в глубь молитвы, в немое, осторожное собирание перегорающей и выжидающей силы. Триста пятьдесят лет колобродили монголы на Руси; жги и грабили; возвращались, свергнутые; и вламывались, изгнанные. Но не одолели Руси; сами изжились и выродились, иссякли

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org
и захирели, но не истошили утробу нашего духа.

Триста пятьдесят лет учились мы в горе и унижении. И научились. Чему?

Мы научились хоронить нашу национальную святыню в недосягаемости. Мы постигли тайну уходящего Китежа, столь недоступного врагу и столь близкого нам, неразрушимого и всеосвящающего; мы научились внимать его сверхчувственному, сокровенному благовесту; в дремучей душевной чаще нашли мы таинственное духовное озеро, вечно огражденное, навеки неиссякающее, – боговидческое око русской земли, око откровения. И от него мы получили наше умудрение; и от него мы повели наше собирание сил и нашу борьбу, – наше национальное Воскресение... И от него мы поведем и впредь наше освобождение и национальное восстановление, – все равно, какие бы хищники ни завладели бы временно нашей Россией и какие народы не вторглись бы еще в наши пространства...

Вот откуда наша русская способность – незримо возрождаться в здравом умирании, да славится в нас Воскресение Христово!

Вот откуда наше русское умение – таить в глубине неиссякаемые, неисчерпаемые духовные силы, силы поддонного Кремля, укрытого и укрывающего «я» Вот откуда наше русское искусство – побеждать отступая, не гибнуть в огне земных пожаров и не распадаться в вещественной разрухе, все равно, горит ли Москва от Девлет-Гирея, или от двадцати языков; пан ли Жолкевский засел под Иваном Великим, или Бонапарт взрывает Кремль, покидая его, или же коммунистические святотатцы выют свое поганое гнездо над Царь-Пушкино...

Мукою четырнадцати поколений научились мы – духовно отстаиваться в беде и в смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастии собирать силы; умудряться неудачею и творчески расти после поражения; жить в крайней скучности, незримо богатея духом; не иссякать в истощении; не опустошаться в запустении; но возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета...

Читайте же, маловерные, скрижали нашего прошлого; читайте и умудряйтесь; но стойте и боритесь до конца; и не ропщите в ожидании грядущего. Не меняет народ в пятнадцать лет смуты своего тысячелетнего уклада. Не избыть, не исчерпать коммунистам русской силы.

* * *

Изжились и расступились монгольские племена; и открыли нам пути на восток и на юг. Но не пришло успокоение на Русь: север и запад потянулись в наши просторы; и этой тяге, этому спору и отпору еще и поныне не сказано последнее слово. История России есть история ее самообороны: потому она и провоевала две трети своей жизни. Русский народ не жесток и не воинственен, – нет. он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен: но русские поля искони были со всех сторон открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. Издревле русский пахарь погибал без меча: а русский воин кормился сохой и косою. Воевала Русь и один на один; воевала и против двух врагов, и против пяти, и против девяти, и против двадцати. История наша есть история осажденной крепости; история сплоха, приступа, отражения и крови.

Так возник и былой сословно-крепостной уклад: все были нужны России – и воины, и плательщики, и хозяева, и чиновники; каждый на своем месте, каждый во всей своей силе, каждый до последнего вздоха. И было время, когда великий русский царь закрепостив всю страну сверху донизу, – сам весь огонь вдохновения, весь служение, жертва и труд, – не пожалел и сына своего, закрепостив и его, в самой смерти его, грядущему величию родины.

И поныне изумляются наши историки, как мог русский народ нести такие жертвы и вносить такие подати. И мог и нес; и тем строил нашу великую Россию. И не было для него жертвы «чрезмерной»; а для русского солдата не было «невозможного». И все спасались духом жертвы, духом подвига, духом единения – внимая сокровенному благовесту поддонного Кремля. И только временами, изнемогая от бремени, падая духом, запутываясь в чаще страстей, терял русский народ пути к своему Китежу, изменял служению, впадал в смуту и воровство, и гиб от внутренних посяганий и

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org
раздоров. Судить ли изнемогших? Клеймить ли того, кто пал духом? Отвергать ли и обрекать ли того, кто временно запутался в злых страстиах?

Велик в своем служении и в жертвенности русский народ. Тих, и прост, и благодушен, и даровит в быту своем. Глубок, и самобытен, и окрылен в богосозерцании. Но страстна и широка его душа, и по-детски отзывчива на искушения и соблазны. И в детской беспечности своей забывает он перекреститься, доколе не грянет гром. Но грянул гром – и перекрестится; и сгинет нечистое наваждение...

И уже, смотрите, – в годину величайшей соблазненности и величайшего крушения – уже началось и совершается незримое возрождение в здравии умирания. Да славится в нас Воскресение Христово...

* * *

Судьбы народа скрыты в его истории. И мы, смущенные, мы, малодушные и маловерные, мы должны научиться читать и разуметь молчаливые глаголы нашего прошлого; разуметь скровенные судьбы и явные дары, и таинственное призвание нашего народа, нашего русского величия: уверенно разуметь и уверенно провидеть глядущее всенародное воскресение России

Неисповедимы Божии пути. Скрыты от нас Его предначертания. И только края ризы Его касаемся мы в наших постижениях.

Но в недрах нашего прошлого нам даны великие залоги и благодатные источники. И видя их, приникая к ним и упояясь ими, мы уже не сомневаемся в тех путях, по которым ведет нас АНГЕЛ Божий, но в молитвенном напряжении уверенно ожидаем грядущих событий и свершений... Ибо с нами Господь нашего Китежа.

3. РОДИНА И ГЕНИЙ

В чужой стране, далеко от родных пределов, исстрадавшиеся и утомленные, но не забывшие и не разлюбившие, собираемся мы здесь, отторгнутые сыны, живые обломки нашей чудесной и несчастной России. Собираемся для того, чтобы сказать друг другу, что мы – по-прежнему ее верные сыны; что по-прежнему мы ею живем и дышим; и что алтари ее будут святы в наших сердцах до последнего нашего земного вздоха...

Этот день Русской Культуры есть как бы день нашей свободно и добровольно из глубины обновляемой присяги, не формальной, а таинственно-духовной. – присяги на духовную верность нашей Родине. Что бы ни случилось с нами, какие бы еще испытания и страдания ни ожидали нас впереди, – ей принадлежат и будут принадлежать наши помыслы, наши мечты, наши усилия и труды, ей и ее грядущему, невиданному еще расцвету.

Это верно так, как священны ее святыни, как велики ее пророки и зиждители, как крылат ее дух и могуч ее язык. Это верно так как есть Бог и благодатны пути Его...

* * *

Легка и радостна нам эта духовная присяга; ибо в ней выговаривается то, что для нас единственно возможно. Ведь эту присягу выговаривают не уста наши, и не рассудок, и не душевное настроение; нет. – ее безмолвно произносит некое последнее недро нашего человеческого естества, над которым не властен человеческий произвол, но в глубине которого уже решен навеки вопрос, имеем ли мы Родину и где она.

Воистину не от человеческого произволения зависит иметь Родину или не иметь ее. оторваться от нее или переменить ее. Одни хотели бы уйти и не могут; другие хотели бы приобрести ее и знают, что для этого сделать... Здесь могут не помочь ни усилия сознания, ни решения воли; здесь может обмануть и мечта, и всякая бескрылая теория; и быть здесь не свяжет, ибо к быту можно привыкнуть; и даже начало расы и крови не сможет сказать здесь последнего, решающего слова.

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

Здесь – тайна, живая тайна неразрывной связи; и большинство людей стоит перед этой тайной как бы в беспомощности и бессилии: одни, счастливые, нашедшие свою Родину, сами не зная как, богатые и сильные, с осмысленной и освященной жизнью; другие, несчастные, не нашедшие своей Родины и сами не знающие ни того, как это случилось, что они ее не нашли, ни того, что им надо сделать, чтобы ее обрести, – бедные, слабые и безродные, с неосмысленной и неосвященной жизнью...

И вот. нам счастливым и богатым, подобает здесь и сегодня, в день Русской Культуры, сказать друг другу об этой тайне; и о том, как Родина обретается, и о том, чем надлежит поддерживать в сердцах ее огонь.

Ибо легко и незаметно, так, как распускается цветок, как плывут облака и как текут наши великолепные, пышные реки, так рождается и слагается чувство Родины, и любовь к ней, и власть ее над человеком – тогда, когда люди живут в своей стране и среди своего народа, в потоке и в цветении его единой и общей жизни; и мы, прожившие так большую часть нашей жизни, получившие, напитавшиеся и обогатившиеся, – стали русскими легко и незаметно; и утратить нам нашу русскость невозможно.

Но не так обстоит с нашими детьми, или безвременно оторванными от единой и общей русской стихии, от русского быта, царственно насыщенного русским бытием; или же – рождающимися на чужбине. И у них таинство России не может свершиться в душе с тою незаметною легкостью рас-расцветания, как это было у нас.

Живя в чужой стране, в иной природе, окруженные чуждым бытом и нерусскими народами, они не могут напитаться духом своей Родины, пребывая в состоянии бездеятельной восприимчивости. Нет, Родина может быть дана им и может быть взята ими только в процессе творчества, делания, в процессе пробуждения, укрепления и насыщения тех задатков, которые скрыты в глубине их душ... Не так, как вздыхают лесные ароматы; но так, как находят, расчищают и окапывают подземные ключи.

И если мы, живя в своей стране, среди родного народа, могли быть уверены, что Родина сама пропитает души наших детей и удержит их в своем щедром и властном лоне; и если мы поэтому, как неразумные богачи, не заботились о главном сокровище наших душ и нашей жизни, – то ныне это стало невозможным. Ныне мы призваны к тому, чтобы найти ключи от тайны русского духа. Мы должны найти пути, которые ведут к русскости души; мы должны соблюсти эти тропинки и дороги. Мы должны передать нашим детям живую уверенность в том, что эти тропинки и эти дороги действительно ведут к великим свершениям и чудесным, еще невиданным возможностям; что быть русским – это дар и счастье, призвание и обетования; что в этом есть Божия благодать, зовущая к служению и подвигам. И затем мы должны указать нашему молодому поколению пути, ведущие к этому дару, и трудные задания, ожидающие его на этом пути, – вот так, как мудрая старушка снаряжала в путь Ивана-Царевича...

Но, чтобы передать эту мудрость нашим царевичам, нам надо самим сначала умудриться. Надо самим иметь и уметь. Надо знать, в чем состоит русскость русского и как приобретается она... – та особенная своеобразность нашей Родины и ее народа, ее души и ее культуры, которую из других народов не любит и не чтит только тот, кто ее не изведал, не испытал и не увел.

И если мы доселе не знаем этого и не умеем этого, то вот наше очередное и величайшее задание: познать, чтобы передать, и уметь, чтобы научить; – чтобы показать это и рассказать об этом и нашим детям, и другим народам, среди которых мы влечим неволю нашего рассеяния.

* * *

Не пытайтесь свести Родину к телесному, к земле и природе... Посмотрите: силою судеб мы оторваны от всего этого; а она незримо присутствует в нас. Она не покинула нас и мы не оторвались от нее; а внешняя разлука состоялась уже давно.

Ищите лучше русскость русского духа прежде всего в душевном укладе человека, и еще в тех содержаниях, которые были созданы этим душевным укладом, а потом уже – в той природе, которая взлелеяла этот душевный уклад, и во всем том телесном и вещественном, что укрыло его в себе и явило его через себя.

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

Но не останавливайтесь на этом: ищите русскость русского в тех душевных состояниях, которые обращают человека к Богу в небесах и ко всему божественному на земле, т.е. в духовности человека. Вот подлинное жилище Родины, вот подлинное ее обнаружение, когда душа человека, «томимая духовной жаждою», отвертывается от «случайных и напрасных даров» земной жизни и, испытывая жизнь без Бога, как «мрачную пустыню», обращается из глубины своей к благодатным предметам.

Пусть скучны и слабы ее силы; пусть не дается ей более, чем осязание краешка ризы Божией... Но именно в эти минуты свои, в этих состояниях своих – она вся жизнь, вся трепещет сверху донизу: в ней ожидают ее главные дары; в ней напрягаются ее главные силы и она переживает час своего духовного плодоношения.

В эти минуты, – знает человек это или не знает, хочет он этого или не хочет (и иногда может быть лучше, если не знает, если не старается и не умничает) – в эти миг и часы в бессознательной глубине его души, томившейся и рвавшейся, и вот, подобно ангелу, воспевшей песнь своего полета, пробуждаются исконные, родовые, народные силы души и содержание духа. И тогда человек любит именно так, как любит его народ в своеобразии своем; тогда он молится его молитвой; тоскует и поет так, как тоскует и поет его народ; «народно» творит, национально веселится и пляшет; – чудесно вдохновленный, являет и осуществляет свою Родину.

* * *

Душа не священна сама по себе; она священна духом и своею одухотворенностью.

И быт не свят сам по себе; он освящается бытием – личным и народным.

Но то, что освящено духом и бытием, то становится его сосудом или его ризою. И то, во что излился дух, – и человек, и картина, и напев; и храм, и крепостная стена, – становится священным и дорогим, как открывшийся мне и нам, нашему народу и нашей стране лик самого Божества.

И вот, Родина есть выстраданные нами и открывшиеся нам лики Божии: в молитвах, иконах и храмах; в песнях, поэмах и трагедиях; в созданиях искусства и в подвигах наших святых и героев. И еще. Родина – это тот национальный строй и уклад души, который выстрадался и выносился нашим народом в его бытии и в его быту, и который незаметно, но неизменно владеет и мою душою, ее дыханием, и вздохом, и стоном, и жестом, и языком, и пляскою. И еще, Родина – это те люди, те вдохновленные богохвалцы и осененные пророки, которые пребывая в этом духе, осуществляя и закрепляя его, увидели и создали для нас узранные ими лики Божии.

Родина есть нечто от духа и для духа. И тот кто не живет духом, тот не будет иметь Родины; и она останется для него темною загадкою и странною ненужностью. На безродность обречен тот, у кого душа закрыта для Божественного, глуха и слепа для него. И если религия, прежде всего, призвана раскрыть души для божественного, то интернационализм безродных душ коренился, прежде всего, в религиозном кризисе нашего времени.

Но именно поэтому творцы духа суть живые очаги Родины. Назови мне, кто те пророки, гении и герои, перед которыми ты в любви преклоняешься, и я скажу тебе, какого ты духа и где твоя Родина...

Ибо ты любишь их и преклоняешься перед ними потому, что они облегчили тебе бремя твоей жизни, показали тебе путь к устроению твоей души, дали тебе утешение, дали тебе радость быть сильным; через них ты утвердил себя, свою личность, свой дух и свой характер; и поэтому знаешь ты о том или не знаешь, – они твои пастыри, учителя и вожди, соз давшие твою Родину и указавшие ее тебе.

Свершив свое жизненное дело и покидая землю, гений оставляет нам в наследие и облегчение – ризу своего душевного уклада и своего духовного акта. И народы искони понимали это, связывая свое бытие и свое национальное и государственное самоутверждение – с культом своих великих предков, героев и святых.

дело пророка и гения состоит в том, что он, пребывая во внешней и внутренней стихии своего народа, приемля все его бремена и слабости, его страдания и беды, ставит себя, и в своем лице свой народ, перед лицо Божие и выговаривает от всего своего народа символ национального Богоспасения. Этим он указывает своему народу

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

верный путь к духу и ду ховности; и сам остается тем духовным очагом, около которого размножается среди целых поколений огонь духовного горения, размножается, не умаяясь, не убывая; и сам остается тем духовным алтарем, вокруг которого собираются и из века в век будут собираться сыны его Родины. утверждая в нем и через него, через его творчество и через его создания – свое единство с ним и свое единение с Родиной.

Вот почему правы мудрецы, утверждавшие, что народ и его герои – суть одно.

да, пророки и гении зиждут Родину...

И тот, кто ищет путей к России, тот пусть идет к ее гениям и пророкам. Ибо они подняли на свои плечи наши бремена и наши слабости, наши страдания и беды, и приняли дары нашей природы и нашего духа; и, поставив нас во всей даннойности перед лицо Божие, – открыли наши очи, и отверзли наш слух, и дали нам мощный язык, и закалили наши сердца, и выговорили за нас и от нас символ нашего национального Богочеловечества. Они показали нам и то, чем мы призваны быть; и то, к чему мы способны; и то, как нам восходить на эту высокую и трудную гору. Это наши живые алтари, наши очаги, наши ангелы-хранители.

Не к ним ли, не к ним ли идти в минуту горя, в час крушения, в тот час, когда нам покажется, что наша жизнь «осуждена на казнь тайною судьбою»?

Не к ним ли вести наших детей, чтобы они дали им в порядке чистой духовности то, от чего тайная судьба отторгла их по пространству и по быту?

* * *

да, конечно, к ним.

Тот, кто нашел свою Родину, тот знает ее гениев и пророков и испытывает их, как своих учителей, вождей и ангелов-хранителей. И тот, кто ищет путей к своей Родине для того, чтобы открыть их детям, – пусть ведет их к гениям, пророкам и вождям своей Родины.

И не естественно ли, не верно ли поступили мы, что связали День Русской Культуры, спрятавшийся нами на чужбине, с именем нашего великого и чудесного Пушкина?

* * *

Единственный по глубине, и ширине, и силе, по царственной свободе духа и по завершенной необходимости формы, Пушкин, этот «тайный певец», дан нам был для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории, чтобы сосредоточить в себе все необъятное богатство русского духа и всю его вселенскую ширину, и вернуть все это в глаголах бессмертной красоты...

Он дан был нам, как залог, как обетование, как благодатное удостоверение того, что и на нашу ширь и на нашу страсть, и на наш беспредельный размах – есть, и может быть, и будет найдена и создана такая совершенная, такая завершенная форма, о которой мечтали и всегда будут мечтать для себя все народы...

Его дух, как некий грандиозный водоем, собрал в себе все живые струи, все подпочвенные воды русской истории и русского духа. И пока стоит Россия, до тех пор к целебным водам этой вдохновенно возмущенной купели будут собираться все ее народы –

и гордый внук славян,
и финн, и ныне дикий
тунгус, и друг степей калмык...

– все с одной жаждою, все с одной надеждою: упиться божественной гармонией, в которой восславлен Господь из глуби и шири нашего безмерного простора, наших непокорных страстей...

Здесь все наше бремя, и все страдания и трудности нашего прошлого, и все страсти

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

наши – все принято, все умудreno, все очищено, все просветлено и прощено в глаголах законченной солнечной мудрости. Все смутное стало очевидным; все страдания преобразились в радость бытия Оформились, не умаляясь, наши просторы; и дивными цветами зацвели горизонты нашего духа. Все нашло себе легкие законы неощутимо-легкой меры, и самое безумие явилось нам в образе вдохновенного прозрения и вещания. Взоры русской души обратились не к больным и бесплодным запутанностям, чреватым соблазнами и гибелю, а в кристальные глубины солнечных пространств. И дивное глубокомыслие и глубокочувствие сочеталось с радостью поющей и играющей формы...

Впервые раздался и был пропет Богу и миру от лица России гимн приятия и утверждения; гимн радости сквозь все страдания; гимн очевидности сквозь все пугающие мороки земли..

Впервые от лица России и к России была сказана эта чистая и могучая осанна – осанна глубокого, русским Православием вскормленного мирприятия и Бого-благословения; осанна пророка и поэта, мудреца и ребенка, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский...

И если какой-нибудь народ, одаренный и великий, измученный в непомерных напряжениях и страданиях своей истории, имел нужду и право на этот прореческий гимн, на эту радостную осанну, – то это был наш народ, это были мы, русские...

И могло ли это не состояться, что этот радостный и чудный утешитель, этот совершитель нашего духовного акта, этот основоположник русского национального характера, этот завершитель нашего национального естества, – стал солнечным центром нашей истории?

Пушкин, наш шестикрылый серафим, отверзший наши зеницы и давший нам внять горнее и подводное естество мира, вложивший нам в уста «жало мудрья змеи» и завещавший нам превратить наше трепетное и неуравновешенное сердце в огненный уголь, он дал нам залог и явь нашего национального величия, он раскрыл нам блаженство и власть, и спасительность завершенной формы... И он же дал нам еще один великий и последний дар: он дал нам возможность, и основание, и право благословлять нашу Родину всегда и во всем, любить ее, гордиться ею и прозревать ее великое будущее, – нерушимо верить в нее и в ее грядущий расцвет, что бы ни принесла нам ее история, какие бы еще лишения и страдания ни выпали на долю русских поколений...

И в годы разложения и стыда, унижения и смуты, воочию созерцая «бессмысленный и беспощадный русский бунт», – сколько раз, там. в глубине России, в опасностях и тюрьмах, сколько раз спрашивали мы себя: «неужто конец? неужто мы погибли? неужто кончено с нашей замученной, с нашей изумительной Россией?...».

И каждый раз два луча утешали и укрепляли душу в ее утомлении и сомнении: религиозная чистота и мудрость русского Православия и пророческая богоозаренность нашего дивного Пушкина...

* * *

Скажем же всем народам, у очага которых мы сидим, как временные странники: «Хотите видеть и испытать Россию, – тогда идите к ее про-рокам и гениям; и научитесь внимать им на их языке. Не думайте судить о России, не озарив свою душу подлинным звуком реченных Пушкиным глаголов. Научитесь петь и молиться с ним. Научитесь радоваться и принимать мир из цельности и глубины его осанны. Научитесь отводить ему его место в мировом пантеоне гениев; и поймите, что он был тем, чем хотели быть многие и многие из ваших гениев...».

А детей наших поведем и приведем к нашим алтарям, к нашим пророкам и нашим гениям. А из гениев – прежде всего и навсегда – к Пушкину...

Ибо здесь они найдут солнечное средоточие нашей истории.

Здесь они найдут свою Родину.

I

1. Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием: этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями – духовным взаимопитанием: он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрией, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся Вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов»; мало того, выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония на дальневосточные берега и т.д.). Россия превратится в гигантские «Балканы», в вечный источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут влияться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры») – все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы Вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимою язвой мира.

2. Установим сразу же, что подготавливаемое международной закулисью расчленение России не имеет за себя ни малейших оснований, никаких духовных или реально-политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «венник» на прутики, переломать эти прутики поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленить Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязание и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»; «национальная свобода» требует-де «политической самостоятельности»... Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Вся история дает тому живые и убедительные доказательства. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственному самостоянию: проследите тысячелетнюю историю армян, народа темпераментного и культурно-самобытного, но не государственного; и, далее, спросите – где самостоятельные государства фланандцев (4,2 милл. – в Бельгии, 1 милл. – в Голландии) или валлонов (4 милл.)? Почему не суверенны уэльские кимры и шотландские гэлы (0,6 милл.)? где государства кроатов (3.000.000), словенцев (1.260.000), словаков (2,4 милл.), вендов (65.000)? французских басков (170.000), испанских басков (450.000), цыган (до 5 милл.), швейцарских лодинов (45.000), испанских каталонцев (6 милл.), испанских галлегосов (2,2 милл.), курдов (свыше 2 милл.) и многочестия других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак, племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

государственными границами. Многие малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупносильным народам, государственным и толерантным: отделить эти малые племена значило бы – или передать их новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем, что было бы духовно разрушительно, хозяйствственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю древней Римской империи – это множество народов, «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская Империя? И вот именно таково же культуртрегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знает такого правила: «Сколько племен, столько государств». Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленить единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

II

4. Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стояли под гнетом русского большинства и его Государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализировала свои малые народы, в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768–843 по Р.Х.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба»!), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю – сидели славянские племена: абодриты, лютичи, линоны, гевелы, редарии, укры, поморяне, сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезывалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно германизировались. «Обезглавление» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который был позднее применен и к чехам, а в наши дни – опять к чехам, полякам и русским (для чего и внедрены были в Россию большевики с их террором).

Видано ли, слыхано ли что-нибудь подобное в истории России? Никогда и нигде! Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

И вот доказательство: население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности, а в России общие переписи установили сначала свыше ста, а потом до ста шестидесяти различных языковых племен и до тридцати различных исповеданий. И господа расчленители забывают, что племенной состав для затеваемого ими политического расчленения соблюла именно императорская Россия.

Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Подверглись ли они за 150 лет – денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине XVIII века и позже (1765–1809) в числе 40–50 тысяч. К началу XX века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1.200.000 человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением услышали в их устах исконные – голштинские, вюртембергские и иные диалекты. Все сообщения о принудительной русификации были этим опровергнуты и посрамлены.

Но политическая пропаганда не останавливается и перед явной ложью.

5. Далее, надо установить, что самое расчленение России представляет задачу территориально неразрешимую. Императорская Россия не смотрела на свои племена,

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org

как на дрова, подлежащие перебросу с места на место; она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный, не сводимый ни на какие географические размежевания; это был процесс колонизации, ухода, переселения, рассеяния, смешения, уподобления, размножения и вымирания. Откройте дореволюционную этнографическую карту России (1900–1910) – и вы увидите необычайную пестроту: вся территория наша была испещрена маленькими национальными «островками», «ответвлениями», «окружениями», племенными «заливами», «проливами», «каналами» и «озерами». Всмотритесь в это племенное смешение и учтите следующие оговорки: 1) все эти цветовые обозначения условны, ибо никто не мешал грузинам жить в Киеве или Петербурге, армянам – в Бессарабии или Владивостоке, латышам – в Архангельске или же на Кавказе, черкесам – в Эстонии, великороссам – повсюду и так далее; 2) поэтому все эти краски на карте обозначают не «исключительную», а только «преимущественную» племенную заселенность; 3) все эти племена за последние сто – двести лет вступали друг с другом в кровное смешение, причем дети от смешанных браков вступали в новые и новые племенные смешения; 4) учтите еще дар русского духа и русской природы непринудительно и незаметно обрушивать людей иной крови, что и передается в южнорусской поговорке: «Папа – турок, мама – грек, а я русский человек»; 5) распространите этот процесс на всю русскую территорию – от Аракса до Варангерской губы и от Петербурга до Якутска, – и вы поймете, почему провалилась большевистская попытка показным образом размежевать Россию на национальные «республики».

Большевикам не удалось отвести каждому племени его особую территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

Политически обособляясь, каждое племя претендует, конечно, на течение «своих» рек и каналов, на плодородную почву, на подземные богатства, на удобные пастбища, на выгодные торговые пути и на стратегические оборонительные границы, не говоря уже о главном «массиве» своего племени, как бы малочислен ни был этот «массив». И вот если мы отвлечемся от малых и рассеянных племен, как то: вотяки, пермяки, заряне, вогулы, остяки, черемисы, мордва, чуваши, ижора, талышинцы, крызцы, долгане, чуванцы, алеуты, лаки, табасаранцы, удины и другие, и взглянем только в национальную гущу Кавказа и Средней Азии, то мы увидим следующее.

Расселение более крупных и значительных племен в России таково, что каждое отдельное «государвице» должно было отдать свои «меньшинства» соседям и включить в свой состав обильные чужие «меньшинства». Так обстояло в начале революции в Средней Азии с узбеками, таджиками, киргиз-кайсаками и туркменами: здесь попытки политического размежевания вызвали только ожесточенное соперничество, ненависть и неповинование. Так же обстояло и на Кавказе. За старелая национальная вражда между азербайджанскими татарами и армянами требовала строгого территориального раздела, а этот раздел оказался совершенно неосуществим: обнаружились больные территориальные узлы со смешанным населением; и только присутствие советских войск предотвращало взаимную резню. Подобные же больные узлы образовались при размежевании Грузии и Армении уже в силу одного того, что в Тифлисе, главном городе Грузии, армяне составляли почти половину населения, и притом наиболее зажиточную половину.

Понятно, что большевики, желавшие под видом «национальной самостоятельности», изолировать, денационализировать и интернационализировать российские племена, разрешали все эти задачи дикториальным произволом, за которым скрывались партийно-марксистские соображения, и силою красноармейского оружия.

Так, национально-территориальное размежевание народов было делом искони безнадежным.

III

6. Ко всему сказанному надо добавить, что целый ряд российских племен живет доныне в состоянии духовной и государственно-политической малокультурности: среди них есть такие, что пребывают религиозно в самом примитивном шаманстве; вся «культура» сводится у многих к кустарным ремеслам; кочевничество далеко еще не изжито; не имея ни естественных границ своей территории, ни главных городов, ни своих письменных знаков, ни своей средней и высшей школы, ни своей

ИЛЬИН И. О России. Три речи filosoff.org

национальной интелигенции, ни национального самосознания, ни государственного правосознания, они (как это было известно русскому Императорскому Правительству и как это подтвердилось при большевиках) неспособны к самой элементарной политической жизни, не говоря уже о разрешении сложных задач судопроизводства, народного представительства, техники, дипломатии и стратегии. В руках большевиков они оказались политическими «куклами», надетыми на «пальцы» большевистской диктатуры: двигались эти пальцы – и несчастные куклы шевелились, кланялись, покорно разводили руками и лепетали партийно-марксистские пошлости. Демагогия и обман, экспроприация и террор, разрушение религии и быта – выдавались за «национальный расцвет» российских меньшинств, а на Западе находились глупцы и продажные корреспонденты, которые воспевали это «освобождение народов».

Неизбежен вопрос: после отчленения этих племен от России – кто завладеет ими? Какая иностранная держава будет разыгрывать их и тянуть из них жизненные соки?..

7. С тех пор протекли десятилетия большевистского произвола, голода и террора. С тех пор пронесся ураган второй войны и была проведена послевоенная «национальная чистка». Вот уже 33 года, как большевики убивают или вымирают голодом непокорные слои населения и перебрасывают людей всех российских племен и наций массами в концлагеря, в новые города и на фабрики. Вторая мировая война сдвинула с места всю западную половину Европейской России, уводя одних („украинцев“, немецких колонистов, евреев) на восток к Уралу и за Урал, а других на запад, в качестве племенных „остарбайтеров“, или беженцев (в том числе добровольно ушли в Германию целую массу калмыки). Немцы заняли тогда русскую территорию с населением около 85 миллионов людей, массами расстреливали заложников и истребили около полутора миллиона евреев. Этот режим расстрелов и передвижений продолжался затем при большевиках после обратного занятия ими отвоеванных у них территорий. Потом начались расправы с национальными меньшинствами: надо считать почти погубленными – немцев-колонистов, крымских татар, карачаев, чеченцев и ингушей; а ныне расправа продолжается в Эстонии, Латвии и Литве. Представители УНРА исчислили погибших жителей Белоруссии в 2,2 миллиона, а на Украине – в 7–9 миллионов. Помимо этого, нам достоверно известно, что выбывающее население Украины, Белоруссии и Прибалтики пополняется населением из центральных губерний, с иными национальными традициями и тяготениями.

Все это означает, что процесс вымирания, национальной перетасовки и племенного смещения достиг в России за время революции небывалых размеров. Целые племена исчезли совсем или сведены к ничтожеству; целые губернии и области очнутся после революции с новым составом населения; целые уезды окажутся запустевшими. Все прежние планы и расчеты господ расчленителей окажутся беспочвенными и несостоятельными. Если же советская революция закончится третьей мировой войной, то в племенном и территориальном составе русского населения произойдут такие изменения, после которых сама идея национально-политического расчленения России может оказаться совершенно нежизненной химерой, планом не только изменническим, но просто глупым и неосуществимым.

8. И тем не менее мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма» – российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество. Мы должны быть готовы к атому, во-первых, потому, что германская пропаганда вложила слишком много денег и усилий в украинский (а может быть, и не только в украинский) сепаратизм; во-вторых, потому, что психоз мнимой «демократии» и мнимого «федерализма» охватил широкие круги пореволюционных честолюбцев и карьеристов; в-третьих, потому, что мировая закулиса, решившая расчленить Россию, отступит от своего решения только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение.

IV

9. И вот когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «Народы бывшей России, расчленяйтесь!», то откроются две возможности;

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org
или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия.

Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали в пункте 1; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», то есть в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши «добрые соседи»; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом «самоограждения», «замирения», «водворения порядка» и так далее. Вспомним 1917–1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они стали «революционно опасными», а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот «добрые соседи» снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение «концессий», расхищение военных запасов, одиночный партийный и массовый подкуп, организацию наемных сепаратистских банд (под названием «национально-федеративных армий»), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу А новая Лига Наций попытается установить «новый порядок» посредством заочных (Парижских, Берлинских или Женевских) резолюций, направленных на подавление и расчленение Национальной России.

Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократические» усилия временно увенчаются успехом и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам и соседним державам?

10. При самом скромном подсчете – до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав (из русской эмиграции); в-третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и «миссионеры» (перечитайте «Бориса Годунова» Пушкина и «Исторические хроники» Шекспира). Все это будет заинтересовано в затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде, в политической и религиозной коррупции.

Медленно, десятилетиями будут слагаться новые, отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России.

Будут появляться все новые жадные, жестокие и бессовестные «псевдогенералы», добывать себе «субсидии» за границей и начинать новую резню. Двадцать государств будут содержать 20 министерств (20Х 10, по меньшей мере 200 министров), двадцать парламентов (20Х 200, минимум 4000 парламентариев), двадцать армий, двадцать штабов, двадцать военных промышленностей, двадцать разведок и контрразведок, двадцать полиций, двадцать таможенных и запретительных систем и двадцать всемирно разбросанных дипломатических и консульских представительств. Двадцать расстроенных бюджетов и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов; займы будут даваться «державами» под гарантii – «демократического», «концессионного», «торгово-промышленного» и «военного» рода. Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами». Известная нам из истории федеративная неспособность русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к «самостоятельному фигурированию» – довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению.

11. Чтобы наглядно вообразить Россию в состоянии этого длительного безумия,

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org
достаточно представить себе судьбу «Самостийной Украины».

Этому «государству» придется прежде всего создать новую оборонительную линию от Овруча до Курска и далее через Харьков на Бахмут и Мариуполь. Соответственно должны будут «ощетиниться» фронтом против Украины и Великороссия, и донское Войско. Оба соседних государства будут знать, что Украина опирается на Германию и является ее сателлитом; и что в случае новой войны между Германией и Россией немецкое наступление пойдет с самого начала от Курска на Москву, от Харькова на Волгу и от Бахмута и Мариуполя на Кавказ. Это будет новая стратегическая ситуация, в которой пункты максимального доныне продвижения германцев окажутся их исходными пунктами.

Нетрудно представить себе и то, как к этой новой стратегической ситуации отнесутся Польша, Франция, Англия и Соединенные Штаты, они быстро сообразят, что признать «Самостийную Украину» – значит отдать ее германцам (то-есть, признать первую и вторую мировые войны проигранными!) и снабдить их не только южнорусским хлебом, углем и железом, но и уступить им Кавказ, Волгу и Урал.

На этом может начаться отрезвление Западной Европы от «федеративного» угаря и общерусского расчленения.

V

12. Из всего этого яствует, что план расчленения Россия имеет свой предел в реальных интересах России и всего человечества. Доколе ведутся отвлеченные разговоры, доколе политические доктринеры выдвигают «соблазнительные» лозунги, делают ставку на русских изменников и забывают империалистическую похоть предпримчивых соседей; доколе они считают Россию конченую и похороненную, а потому беззащитную, – дело ее расчленения может представляться решенным и легким. Но однажды великие державы реализуют в воображении неизбежные последствия этого расчленения, и однажды Россия очнется и заговорит; тогда решенное окажется проблематичным и легкое – трудным.

Россия как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся, которая вызовет к жизни неимоверные и неприемлемые опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед закреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Расчленение России не даст ничего далеким державам и невероятно укрепит ближайших соседей – империалистов. Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдофедерации»: это значило бы «списать со счета» первую мировую войну, весь межвоенный период (1918–1939) и всю вторую мировую войну – и открыть Германии путь к мировой гегемонии. Самостийная Украина только и может быть «трамплином», ведущим немцев к мировому водительству.

Именно Германия, восприняв старую мечту Густава Адольфа, силится отбросить Россию до «Московской эпохи». При этом она, рассматривая русский народ как предназначенный для нее исторический «навоз», совершенно неспособна понять, что Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново: она, как великий «организм», снова примется собирать свои «члены», продвигаясь по рекам к морям, к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к урию.

Легкомысленно и неумно поступают враги России, «впрыскивая» российским племенам политически безумную идею расчленения. Эта идея расчленения европейских держав была однажды выдвинута на Версальском конгрессе (1918). Тогда она была принята и осуществлена.

И что же?

В Европе появился ряд небольших и в самоотстаивании слабосильных государств: Эстония, Латвия и Литва; многоземельная, но неудобозаси-тимая Польша; стратегически безнадежная, ибо всюду удобопроломимая и внутренне разъединенная Чехословакия; маленькая и разоруженная Австрия; урезанная, обиженная и

Ильин И. О России. Три речи filosoff.org
обессиленная Венгрия; до смешного раздувшаяся и стратегически ничего не стоящая Румыния, – и не по-прежнему обширная, но по-новому оскорбленная, мечтающая о реванше Германия. С тех пор прошло тридцать лет, и когда мы теперь оглядываемся на ход событий, то невольно спрашиваем себя: может быть, версальские политики хотели приготовить для воинственной Германии обильную и не защищенную добычу – от Нарвы до Варны и от Брегенца до Барановичей? Ведь они превратили всю эту европейскую область в какой-то «детский сад» и оставили этих беззащитных «красных шапочек» наедине с голодным и обозленным волком... Были ли они столь наивны, что надеялись на французскую «губернантку», которая «воспитает» волка? Или они недооценили жизненную энергию и горделивые замыслы немцев? Или они думали, что Россия по-прежнему спасет европейское равновесие, ибо воображали и уверяли себя, что Советское государство и есть Россия? Что ни вопрос, то нелепость...

Трудно теперь сказать, о чем именно эти господа тогда думали и о чем не думали. Ясно только, что приготовленное ими расчленение Европы, заключенной между германским и советским империализмом, было величайшей глупостью двадцатого века. К сожалению, эта глупость их ничему не научила и рецепт расчленения опять извлечен из дипломатических портфелей.

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно – о панъевропейском объединении и о всероссийском расчленении! Мы давно прислушиваемся к этим голосам. Еще в двадцатых годах в Праге видные социалисты-революционеры публично проболтались об этом замысле, избегая слова «Россия» и заменяя его описательным выражением – «страны, расположенные к востоку от линии Керзона». Мы тогда же отметили эту многообещающую и, в сущности, изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: мировая закулиса хоронит единую национальную Россию...

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия – не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

Мукою четырнадцати поколений научились мы – духовно отстаиваться в беде и в смуте; ... все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfedor.ru/> Приятного чтения!